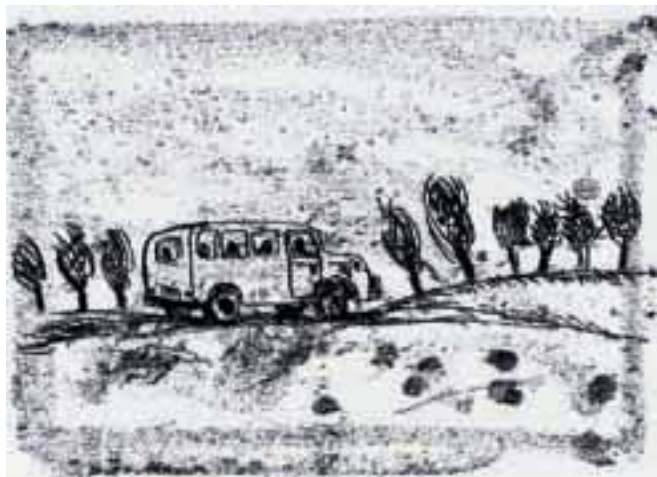

Куда уходят дети

О КНИГЕ «В АФРИКУ, КУДА ЖЕ ЕЩЕ?» Лиза Биргер

«В АФРИКУ, куда же еще?» — новая книга Натальи Ключаревой, которая получила звание надежды молодой российской прозы за всего два по-взрослому ладно написанных романа: «SOS» и «Россия: общий вагон». Книга зна-

читается как детская, хотя из ряда современной детской прозы ее выбивает та самая злободневность, которая свойственна и прочим романам Ключаревой. В отличие от большинства авторов, дружным хором продолжающих советскую похвальную песнь счастливой поре безоблачного детства, Ключарева пишет о детстве как о времени чудовищной концентрации накапливаемого опыта.

Книга состоит из заглавной повести и сборника рассказов. Повесть — прекрасна. Она о двух мальчишках, убегающих из дома в Африку, потому что там, по утверждению Петьки, дико растущего с матерью в рязанской деревне Сапожок, живет и работает, посылая домой телеграммы прямо со спины верного слона Махаона, его отец. Казалось бы, в детской книге такое путешествие должно быть веселым и полным приключений, но у Ключаревой дорога получается тоскливой и тревожной. Мальчишки пересекают Россию, как поезд, — словно продолжая первый роман Ключаревой «Россия: общий вагон». Даже ни разу не выглянув из окна, герои меняют составы, ночуют в тамбурах, зарабатывают песнями на чипсы и бегают от проводниц. На роуд-стори не тянет никак: это путешествие практически лишено событий. В нем важно только, что само бегство изначально было затеяно не из мальчишеского беспокойства, а в поисках отца — студента, проходившего в поселке Сапожок археологическую практику. То, что отец в конце, неожиданно для героев и читателя, все-таки находится, — это как раз та степень художественной неправды, которая превращает повесть в детскую или хотя бы подростковую. Правда же в том, что вся детская тоска именно от этой безотцовщи-

НА РОУД-СТОРИ
НЕ ТЯНЕТ НИКАК:
ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ
ПРАКТИЧЕСКИ
ЛИШЕНО СОБЫТИЙ

ны, убери ее — и бежать в Африку будет уже ни к чему.

Не скатиться в метафизику не получается — так, главный герой повести, Петька, добравшись до Польши, переживает свой собственный арзамасский ужас первого осознания смерти, и тут уже начинается адаптированный для детского чтения Платонов: «Зачем огурец? Растет, стареется, чтоб мы его ели и жили. А мы поедем-поедем, да и помрем. Зря, брат, старался...» Рассказы, напечатанные следом, еще доводят эту тяжесть осознания, тем более что большая часть рассказов автобиографична и почти все как-то совсем не годятся для детского чтения. Как всякий на самом деле не детский автор, Ключарева пишет не для детей, а о детстве, прежде всего своем — первой любви, первых стихах, первом понимании смерти. Эта невеселая картина, которая органично завершается рассказом «Конец мира», вместе складывается в мозаику детского одиночества. Тут равны и мальчик, растущий без отца, и сын алкоголиков, выгнавший родителей из квартиры («вам всем было бы спокойнее, если бы я попал в детдом, прирезал бы кого-нибудь за побрякушку и в двадцать лет сдох бы от туберкулеза»), и вполне нормальная девочка с родителями и дачей, печально бредящая стихами Заболоцкого.

Лимбус-пресс, 2011

